

Память прошедших лет

Совсем недавно исполнилось девяносто лет со дня рождения Петра Мартыновича Алейникова - артиста, одарившего советский экран открытой душой «своего парня». Вряд ли можно назвать другого актера советского кино, кому бы так удался образ веселого, беспечного, задиристо-хулиганистого современника, ставшего кумиром массового советского зрителя.

От Вани Курского до Александра Пушкина

Моск. правда - 2004 - 8-14 авг. - с. 16

С Петром Мартыновичем судьба свела меня, к сожалению, когда он почти не снимался в кино и оставался лишь «красной строчкой» в эстрадных концертах для хороших кассовых доходов театральных администраторов, как тогда называли современных импресарио. Иностранские словечки в то время были не в моде.

В 1958 году, после учреждения Хрущевым совнархозов и ликвидации союзных министерств, я, будучи молодым человеком, полным сил, решил попробовать себя на театральном поприще. Надо сказать, что этот период, а он длился много лет, был плодотворным на встречи с известными актерами кино и театра. В те годы никакой «попсы» не было и эстрадные концерты украшали популярные артисты кино, они-то в основном и «тянули кассу» своим именем. В сущности так же, как сегодня это делают известные представители зрелищного шоу.

Работал я от Калининской областной филармонии, что вовсе не означало, что наши концерты ограничивались географией одной области. В театральной деятельности тогда уже были заложены все характерные приметы современного бизнеса - быстрая реакция на вкус публики, мобильность и предприимчивость. Штаб нашей гастрольной работы располагался как раз в Москве, в квартире по Столешникову переулку, где жил мой партнер, известный в те годы администратор Виктор Аркадьевич Виктор. Человек с замысловатой судьбой авантюриста, но безусловно одаренный от природы талантом.

Характерно, что ему удалось достроить за свой счет двухэтажное здание в Столешниковом переулке и возвести против воли Моссовета третий этаж, где и располагалась его квартира, известная всему театральному миру.

В 1993 году «Столичный криминал» провел фантастическую акцию в Театре эстрады, где впервые за всю историю пенитенциарной системы на вечер нашей газеты наряду с звездами сцены выступили заключенные из Бутырской тюрьмы (вот уж была сенсация - генерал по режиму получил за это зыканье от МВД и все равно остался уверенным в правоте своего решения дать возможность выступить зекам). Во время того незабываемого вечера мы с Борисом Сергеевичем Бруновым, директором Театра эстрады, вспомнили, как по Столешникову переулку мчался Виктор Виктор, за ним неслись жена и дети и длинный шлейф артистов, жаждущих получить участие в сегодняшнем концерте...

Энергия и фантазия у нас были через край, а идеи пополняли кассу. Главное было - заполучить согласие известного киноартиста выступить на одной из массовых площадок Калининской области.

Самым избалованным из «кинозвезд» считался Леонид Харитонов. Его буквально раздирали на части. В

Москве он ежедневно выступал по пять раз за вечер и заламывал непомерно большую цену. Заманить его в Калинин никак не получалось, хотя директор нашей филармонии Давыдов буквально умолял нас об этом. Надо было искать выход из положения, и мы его нашли.

Палочкой-выручалочкой стал Петр Мартынович Алейников, который сразу дал согласие на выступление в Ржеве, тогда еще недостроенном после ожесточенных боев городке, где на главной площади, заросшей травой, можно было увидеть пасущуюся козу и торговые палатки с фасонистыми ботинками чешской фирмы «Батя» по двести пятьдесят рублей за пару. Зарплата рабочего тогда составляла восемьсот - тысячу рублей, а наши доходы исчислялись двумя-тремя тысячами на двоих. Правда, все время из этих денег приходилось оплачивать «необходимые расходы» по концертным точкам и филармонии...

Рядом с этой площадью стояла двух- или трехэтажная гостиница, за ней чуть под гору простирался городской парк, где размещался «зеленый театр» почти на любое количество мест небольшого города.

Билетных книжек или «литературы» на профессиональном жаргоне могло и не хватить для такого звучного имени, как у Алейникова. Широкая улыбка Вани Курского из «Большой жизни» была настолько выразительна, что женские сердца оказывались бессильными ей противостоять. А манера, в которой играл любимый артист, перехватывалась после выхода на экраны той же «Большой жизни» или «Трактористов» парнями в каждом дворе. Ему подражали так же, как во время войны Марку Бернесу в роли одессита Аркадия Дзюбина.

Как мне лично рассказывал сам Марк Бернес, с которым мы вместе работали спустя несколько лет над книгой «Человек и песня», роль Аркадия Дзюбина была написана именно под Петра Алейникова и Марк попал в фильм по чистой случайности. И ведь действительно по харизматике роли Дзюбина - стопроцентный герой Алейникова...

Имя Вани Курского стало знаменательным, и никто не хотел считаться с тем, что Петр Мартынович был удивительно разносторонним артистом. Когда он появился в гриме Александра Пушкина в фильме «Глинка», зал сначала не поверил, что это Алейников, а потом начал хихикать. Но Пушкин в ложе театра на премьере Глинка был настоящим, из жизни и, честно говоря, лучшего кинематографического Пушкина после Алейникова я больше не видел. Он ничего не делал в фильме, просто сидел в театральной ложе. Но как сидел! Так аристократично мог выглядеть только сам Пушкин.

В Калинин мы заказали афишу с именем Алейникова, расклеили по всему Ржеву, и город загудел. Как мы и предполагали, билетов на скамейки в саду не хватило,

пришлось продавать входные с положением стоя! Полный аншлаг!

Накануне дня концерта мы отравились за гастролером. Алейников жил в высотном здании на площади Восстания. Такси с включенным счетчиком поджидало внизу. Предстояло успеть к поезду на Ржевском (ныне Рижском) вокзале, и мы нервничали. Только что позвонил директор театра и сказал,

- Кто? Что? - еле выговаривал он. Было видно, что он все забыл и не понимал, чего от него хотят.

- Одеваться немедленно, - настойчивости Викторова можно было только подивиться.

- Он никуда не поедет, - встряло существо, и только тут я окончательно понял, что перед нами несчастная женщина, чья сломанная жизнь принесена на алтарь люб-

рова-Неронова. В этой машине мы довели за двести метров и Петра Алейникова.

Его выход должен был послужить «бесовкой», заканчивающей второе отделение. Публика изнемогала в ожидании своего любимца. За кулисы «зеленого театра» пытались прорваться наиболее нетерпеливые.

- А Алейников в самом деле здесь?

что Алейникова ждут в Ржеве с нетерпением, номер в гостинице для него отведен лучший.

Мы звонили, но дверь нам не открывали продолжительное время. Мы себя чувствовали, как на раскаленных угляях. Наконец дверь приоткрылась и перед нами предстало удивительное существо, серое и испуганное. Викторова требовал Петра Мартыновича, но в ответ услышали, что его уже сутки нет дома и когда он появится, неизвестно.

Одевали мы его дружно. Викторова с прибавками, желая скорее расшевелить и вернуть его к жизни. Женщина с привычной покорностью. Я растерянно шнуровал ботинки.

Время было уже критическое, до поезда оставались минуты. Когда мы вышли на улицу, поддерживая артиста с двух сторон, в машине нам тревожно замахали руками. Вместе с нами ехали композитор и пианист Борис Энтин и Тамара Московцева, артистка оригинального жанра. Всем места не хватало, и Алейникова посадили ко мне на колени. Он оказался легким, как мумия...

В поезде, увидев с нами пьяного человека, добродушно засмеялись проводницы. В купе мы уложили Петра Мартыновича на нижнюю полку, и Викторова вызвал меня в коридор. - Когда он проснется, обязательно будет просить водку. Так вот, ни под каким предлогом не давать ни капли. Случилось именно так. Проснулся Алейников рано, оставалось еще полтора часа до Ржева. Хмуро глядя на пробегающие мимо деревья, Петр Мартынович никак не мог уяснить, куда он едет и кто с ним. Сомнения рассеял Викторова. Он напомнил о договоренности выступить в Ржеве.

- Я выступать не буду, - капризно заявил артист. - Не хочу и не буду! А потом вдруг жалобно спросил: - Витя, водка есть? Дай водки! - Водка будет только после концерта. Отработай - получишь! До самого Ржева Алейников мучил нас требованиями водки. Он грозил срывом концерта, обещал сойти с поезда и даже подать на нас в суд за то, что мы заманили его, пользуясь беспомощным состоянием.

Но Викторова был неумолим. Все эти штуки были ему хорошо знакомы, и он никак не реагировал на эскапады «Вани Курского». Потом Алейников тяжело замолчал, и его мрачное молчание наполняло купе до самого Ржева. Молчал он и в подъехавшей машине, и даже в гостинице, где мне было велено не отходить ни на минуту от дверей его номера.

Репетировать с Энтиным он наотрез отказался, заявив, что пианист ему не нужен. Видимо, все это время он был занят мучительным преодолением внутреннего зверя, который терзал его коготками и жег внутренности. До городского сада короткое расстояние - артисты прошли его пешком. Единственный номер, требующий перевозки большого реквизита передвижного театра у Пет-

ви и вечного терпения именованному кумиру.

Не знаю, чем бы все обернулось, если бы не ее робкий протест. Алейников вдруг воспрянул и наперекор ей заявил:

- Нет я поеду, дай носки и ботинки!

Одевали мы его дружно. Викторова с прибавками, желая скорее расшевелить и вернуть его к жизни. Женщина с привычной покорностью. Я растерянно шнуровал ботинки.

Время было уже критическое, до поезда оставались минуты. Когда мы вышли на улицу, поддерживая артиста с двух сторон, в машине нам тревожно замахали руками. Вместе с нами ехали композитор и пианист Борис Энтин и Тамара Московцева, артистка оригинального жанра. Всем места не хватало, и Алейникова посадили ко мне на колени. Он оказался легким, как мумия...

В поезде, увидев с нами пьяного человека, добродушно засмеялись проводницы.

В купе мы уложили Петра Мартыновича на нижнюю полку, и Викторова вызвал меня в коридор.

- Когда он проснется, обязательно будет просить водку. Так вот, ни под каким предлогом не давать ни капли.

Случилось именно так. Проснулся Алейников рано, оставалось еще полтора часа до Ржева. Хмуро глядя на пробегающие мимо деревья, Петр Мартынович никак не мог уяснить, куда он едет и кто с ним. Сомнения рассеял Викторова. Он напомнил о договоренности выступить в Ржеве.

- Я выступать не буду, - капризно заявил артист. - Не хочу и не буду!

А потом вдруг жалобно спросил:

- Витя, водка есть? Дай водки! - Водка будет только после концерта. Отработай - получишь!

До самого Ржева Алейников мучил нас требованиями водки. Он грозил срывом концерта, обещал сойти с поезда и даже подать на нас в суд за то, что мы заманили его, пользуясь беспомощным состоянием.

Но Викторова был неумолим. Все эти штуки были ему хорошо знакомы, и он никак не реагировал на эскапады «Вани Курского». Потом Алейников тяжело замолчал, и его мрачное молчание наполняло купе до самого Ржева.

Молчал он и в подъехавшей машине, и даже в гостинице, где мне было велено не отходить ни на минуту от дверей его номера.

Репетировать с Энтиным он наотрез отказался, заявив, что пианист ему не нужен. Видимо, все это время он был занят мучительным преодолением внутреннего зверя, который терзал его коготками и жег внутренности.

До городского сада короткое расстояние - артисты прошли его пешком. Единственный номер, требующий перевозки большого реквизита передвижного театра у Пет-

Наконец наступила долгожданная минута выхода на сцену человека - создателя чуда в кино.

- Быстро давай сюда бутылку! - яростно вращая глазами, прошипел Викторова.

Я достал из бокового кармана пиджака заранее купленную на городской площади бутылку «Московской». Викторова плеснул из нее четверть стакана и протянул Алейникову. Тот дрожащей рукой поднес ее ко рту, и мы услышали, как о край стекла стучат зубы. Он жадно проглотил жидкость и протянул стакан Викторова.

Викторова замотал головой.

- Только после выхода! Алейников вытер рот рукавом и неровной походкой направился к проходу на сцену.

- Иди к сцене. Посмотри с улицы, что сейчас будет.

Я встал у самого края сцены, мне снизу было отлично видно, как он прошел на середину и встал перед самой рампой. Сквозь пергаментную кожу проступил румянец - лекарство Викторова заработало. Худой человек, неприветливой внешности, с помятым лицом - все, что осталось от приятного улыбочного паренька с широко расставленными глазами, каким он запомнился людям.

Зал настороженно молчал. «Все, - подумал я, - это полный провал!»

И вдруг Петр Мартынович улыбнулся, белоснежный, до боли знакомый алейниковский оскал осветил сцену, и в ту же минуту за моей спиной взорвался набитый людьми сад Ржева.

- Ваня Курский! Ура! Это Алейников, у нас Алейников!!!

Он чего-то пытался говорить, рассказывая о своих съемках, но его не было слышно в гуле радости, который стоял вокруг. От него не требовали слов. В этот момент он был иконой для людей, и он озарил их своей незабываемой, неповторимой улыбкой, которая свела с ума всю страну...

...Больше с Алейниковым мне встречаться не пришлось. В жизни было много разных удивительных встреч. На одной площадке в доме на Ленинградском проспекте жил с Лидией Андреевной Руслановой и дружил с ней семьями, работал с Марком Бернесом над брошюрой о его жизни, сотрудничал с Мишей Дорном, первооткрывателем Ирины Бржевецкой, занимал в концертах Даниила Сагала и Татьяну Окуневскую, звезд того времени.

А вот с Петром Мартыновичем, любимцем России, настоящим народным артистом, не удостоенным звания народного, встречаться больше не довелось, к глубокому огорчению.

И когда в шестьдесят пятом я узнал о смерти «Вани Курского», показалось, что из жизни ушло что-то очень дорогое и славное.

«Здравствуй, милая моя, я тебя дождался, ты пришла и я пришел, а я растерялся», - такое же светлое пятно в памяти, как светла сама память о далеком детстве.

Эрик КОТЛЯР.

Алейников Петр Мартынович 1904